

Дата публикации: 5 октября 2020

DOI: [10.5281/zenodo.3981402](https://doi.org/10.5281/zenodo.3981402)

Исторические науки

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Чекменёва Татьяна Геннадьевна¹, Прибытков Алексей Александрович²

¹Кандидат политических наук, доцент, Воронежский государственный технический университет, ул. 20-летия Октября, 84, Воронеж, Россия, E-mail: politehist@mail.ru

²Кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный технический университет, ул. 20-летия Октября, 84, Воронеж, Россия, E-mail: modus16@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются исторические этапы формирования национальной идентичности в России, формирующиеся в результате информационного воздействия и культурной актуализации и порождающие различные идентификационные матрицы для индивидов, составляющих такие сообщества, как нация и цивилизация. Отечественная общественная мысль отличается необычайно сильной культурно-исторической доминантой, которая характеризуется необходимостью самоидентификации, постижения места России во всемирной истории, выявления и глубинного понимания ее индивидуальной сущности и самобытности.

В данном контексте представляется актуальным обращение к российскому дискурсу национальной идентичности, к философским традициям осмысления «национальной идеи» России. Это обращение имеет существенное значение с точки зрения изучения процесса самоидентификации в российском общественном сознании, поскольку особую роль в самоидентификации общества играют острые социальные кризисы. Сопровождаясь изменением сложившейся системы традиций и ценностей, они, вместе с тем, высвечивают скрытые потенции культуры, делают необходимым пересмотр традиционных устоявшихся представлений о своей нации и ее месте среди других наций.

Ключевые слова: российская национальная идентичность, «Москва – Третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность», коммунизм.

I. ВВЕДЕНИЕ

Глобализация резко обострила проблему национально-культурной идентичности, которая сегодня превратилась в одну из важнейших проблем, тревожащих как мыслящее человечество в целом, так и научное сообщество в особенности.

Во многом рост интереса к данной теме является ответом на вызовы, порождённые глобализацией и информационно-телекоммуникационной революцией. В контексте глобальных трансформаций наблюдаются процессы денационализации элит и утверждения космополитического мышления [1].

Современное российское общество пережило стресс «потери страны» и оказалось дезориентировано, дезорганизовано, расколото мировоззренчески. Самой существенной слабостью российского общества оказалось отсутствие национально-государственной идентичности [2].

Национальная идентичность или национальное самосознание — одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определённому этносу или нации. Национальная идентичность не тождественна понятиям национальности или гражданства, хотя они могут быть факторами, оказывающими на неё сильное влияние.

Национальная идентичность не является прирождённой чертой. Она проистекает из приобретённого осознания общности культуры, истории, языка с определённой группой людей. К этому может добавиться чувство принадлежности к определённому государству, приверженность его государственной идентичности, национальной идее и государственным символам [3].

Любое человеческое сообщество, любая цивилизация или крупная держава, показавшая свою пригодность к истории, основывается на особом, присущем только ей идеале, или центральной, осевой идее. Доминирующие в данной цивилизации образ жизни, формы менталитета, культуры, социальной, экономической и политической организации, философии и религии и т.д., так или иначе, соотносятся с этой высшей идеей или идеалом. Как справедливо замечает К.С. Гаджиев, любые идеи, будь то истинные или ложные, овладевают народами в соответствующей, благоприятствующей им исторической, социокультурной и духовно-нравственной сфере. Опыт истории свидетельствует, что, как только начинает подтачиваться духовный и культурный стержни, служащие основополагающими скрепами цивилизации, можно говорить о начале её заката. Как правило, те или иные национальные идеи появляются в поворотные эпохи, эпохи кризисов и служат средством консолидации соответствующего народа [4, с.3].

В российском обществе, состоящем из множества этнических и конфессиональных групп, каждая из которых обладает своей культурной спецификой, задача формирования интегрирующей идентичности является особенно сложной, хотя у России имеется многовековой опыт мирного сосуществования различных этнических и конфессиональных групп.

Исторически в России сформировались три основные национальные идеи, признанные объединить общество: «Москва – третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность», коммунизм.

II. МЕТОДОЛОГИЯ

В исследовании идентичности в качестве методологической основы выделяют две основные парадигмы. В рамках конструктивистской парадигмы любая идентичность рассматривается как «искусственная» (конструктивистская), множественная и изменчивая. В рамках эссенциалистской парадигмы идентичность – «естественная» (культурная), единственная и устойчивая. При этом подчеркивается, что «естественная» идентичность, носящая неосознанный характер, складывается в процессе культурной социализации, а «искусственная» идентичность носит осознанный характер, она формируется в результате сознательного выбора социально значимых референтов.

При рассмотрении исторического аспекта формирования российской национальной идентичности применим сравнительно-исторический метод, включающий описание, анализ и сравнение, позволяющие выделить основные этапы формирования российской национальной идентичности в тесной связи с той исторической обстановкой, в которой возникали те или иные национальные идеи, качественно

изменяющиеся в процессе развития.

Осмысление российской идентичности в историческом контексте и процессов трансформации культурно-цивилизационных оснований имеет глубокую и длительную интеллектуальную традицию. Все поколения народа России в той или иной форме интересовались вопросом, сформулированным еще Нестором в первой фразе «Повести временных лет»: «Откуда есть пошла Русская земля?». Автор «Повести временных лет» однозначно говорит о «призвании норманнов». Это утверждение стало одной из самых спорных и дискуссионных тем в русской исторической науке. На её основе сформировалась так называемая норманнская концепция начальной истории Руси. Приверженность этой теории или ее неприятие стали в некотором роде мерилom «патриотизма».

И Иван III и Василий III многократно именуется в источниках царями. Но официального венчания московского правителя на царство в их эпоху не произошло. Это было время поиска обоснований для провозглашения царского достоинства московских князей. Официальной доктриной, послужившей обоснованием для провозглашения правителя России царём, стала концепция, сформулированная в «Сказании о князьях владимирских» (начало 16 в.), согласно которому московские князья, во-первых, вели свой род от брата римского императора (т.е. царя) Августа, чьим потомком объявлялся основатель русского княжеского рода Рюрик, во-вторых, Владимир Мономах, прямой предок московских князей, якобы получил от византийского императора знаки царского достоинства и был провозглашён «царём Великой Руси».

Начав складываться в середине 15 в. (именно под этим девизом Иван III собирал русские земли, а его преемники расширяли и укрепляли православную власть), теория «Москва — третий Рим» была сформулирована в начале 16 века в посланиях псковского монаха Спасо-Елеазарова монастыря Филофея (ок. 1465 – 1542) к московскому великому князю Василию III Ивановичу. Филофей ввел свою идею в обращение, написав в 1523–1524 годах «Послание на звездочетцев» великокняжескому дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину, в котором Филофей опровергает взгляды немецкого врача и астролога Николая Булева, утверждавшего, что первенство в христианском мире принадлежит католическому Риму. В большинстве сохранившихся копий этот ключевой фрагмент звучит так: «Так знай, христоробец и боголюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» [5]. По мнению Филофея две столицы христианских царств - Рим и Константинополь – пали в результате отхода от истинной веры и наследие которых перешло к Москве. Слова из письма монаха часто толкуются как триумфальная ода государю новорожденной вселенской империи. Но если интерпретировать доктрину в общем контексте письма, возникает совершенно иная картина намерений Филофея. Даже поверхностное знакомство с письмом показывает, что, хотя Филофей и упоминает «третий Рим», он не предлагает расширенного толкования этой доктрины. Его послание — детальное описание зол астрологии и католицизма. Поэтому мы вправе рассматривать письмо как преимущественно увещательное: власти, полагал Филофей, должны уничтожить ереси и защитить Церковь. Захват греческой империи мусульманами означал лишь перемещение Рима в Россию, но упадок Русской церкви должен был означать конец света, поскольку «четвертому Риму не бывать». Провозглашая Москву третьим Римом, иосифлянин Филофей возлагал на великого князя ответственность за судьбу всего христианства и поэтому обязывал его блюсти интересы церкви и защищать ее имущество.

Идея Филофея приобрела заметную популярность в церковных кругах, но она определенно не стала краеугольным камнем московской идеологии. Концепция Третьего Рима проникает в московские сказания, например в «Повесть о новгородском белом клобуке» (ок. 1600) . В этих сказаниях исчезает апокалиптический контекст — нигде не встречается важная для Филофея идея, что «четвертому [Риму] не бывать». Сказания полны предчувствий яркого будущего Третьего Рима, а не ощущений надвигающейся катастрофы. Московские власти, в свою очередь, игнорировали имперские коннотации теории Третьего Рима. Если в XVI веке Русская церковь и считала идею Третьего Рима полезной, то она переменяла свою точку зрения к 1667 году, когда Церковный совет запретил «Белый клобок». Причиной запрета стало то, что секты схизматиков использовали идеи из «Белого клобука» для сопротивления реформам Никона, приведшим к церковному расколу.

Эти группы (впоследствии эволюционировавшие в староверов) рассуждали следующим образом: письма Филофея и «Белый клубок» называли Россию Третьим Римом, поскольку ее церковь была чище греческой, которая «предалась агарянам». Принятие идеи Третьего Рима староверами — это важный момент в ее истории. Они были первыми, кто уже в XVII веке расценил идею Третьего Рима как «осевой момент» в русской истории. Староверы ясно продемонстрировали свою веру в идею Филофея: когда у власти в православной церкви стал «антихрист» Никон, они ушли сами и унесли идею Третьего Рима в удаленные и дикие места; эту идею они продолжали исповедовать еще в XVIII — начале XIX века.

В отличие от староверов, для политической элиты конец междоусобицы, присоединение Новгорода или коронование Ивана IV на царство были гораздо более важными событиями, чем формирование идеи Третьего Рима. Хотя в экспансионистской политике Петра и Екатерины многие историки были склонны видеть влияние доктрины Филофея, представляется, что она была совершенно забыта имперской элитой. Сравнение Российской империи с Римской не редкость в ту эпоху, но ссылок на доктрину Третьего Рима мы не встретим. Так, в 1697 году греки братья Лихуди поднесли Петру Великому оду, в которой описывали царя как наследника трона в Константинополе, но ни в этой оде, ни в других подобных произведениях формула «Третий Рим» не появляется.

Эта формула остается малоизвестной за пределами староверских обществ и в 1-й половине XIX века. Даже в текстах славянофилов, ряд которых верили, что Москва превзошла и Рим, и Константинополь, нет указания на идею Филофея. В 1819 году в популярной серии исторических документов была опубликована «Грамота об учреждении в России патриаршеского престола», сделавшая доктрину доступной читающей публике. Например, Николай Карамзин отмечал, что упоминание Третьего Рима имело целью поддержать создание патриархата, и далее в своих толкованиях не шел: в этом контексте доктрина не выглядела чем-то существенным.

Без всякого сомнения, многие священнослужители были осведомлены о существовании идеи Третьего Рима. Но церковные исторические работы и миссионерские пособия, которые содержали указания на эту идею, не раскрывали ее подробно: упоминание Третьего Рима обнаружило бы связь между взглядами раскольников и доминирующим во многих православных церковных текстах XVI века антигреческим настроением и тем самым легитимизировало бы раскольническую теологию. Характерно, что в историческом словаре церковных писателей, составленном в 1827 году, о Филофее говорится как об авторе «Послания на звездочетцев» и отмечаются прежде всего его заслуги в деле развенчания «предрассудка» гадания по звездам. Критика Филофеем греческой церкви, равно как и его теория о трех Римях, не упоминаются вовсе.

Интерес к Третьему Риму стал заметным фактом интеллектуальной жизни после восхождения на престол в 1855 году Александра II. В этот период было опубликовано несколько источников, содержащих упоминание об идее Третьего Рима. В 1861 году вышло новое издание «Послания на звездочетцев», в комментарии утверждалось: Филофей выступал со своей идеей против «бытовавшей тогда веры об осквернении христианской церкви в странах, захваченных неверными», но никак не против греческой церкви. Тем самым смягчалось еретическое звучание доктрины.

Несколько лет спустя после публикации работ Филофея историк Владимир Иконников (1841-1923) предложил радикально новую интерпретацию доктрины. Его толкование в дальнейшем окажет определяющее влияние на восприятие истории Московского княжества. Иконников предложил рассмотреть концепцию Третьего Рима в контексте развития имперской идеологии России, а не в рамках церковной дискуссии о проблемах греческой православной церкви под иноверным контролем. Появление доктрины Филофея в начале XVI века было истолковано Иконниковым как свидетельство рождения новой московской идеологии: Византия пала, Москва заняла ее место, а Филофей выразил новое понимание русским двором места Московии в системе мировых отношений в качестве третьей исторической империи. По его мнению, отрицание возможности существования четвертой исторической империи было знаком нарождающегося московского мессианства, а не просто пророчеством [6, С. 364-370]. Прочтение Иконниковым идеи Третьего Рима как идеи мировой империи — спасительницы человечества получит вскоре широкое распространение.

Наилучшим индикатором популярности концепции в последней четверти XIX века может служить появление упоминаний о ней в многотиражных исторических обзорах и энциклопедиях. Читатели могли узнать из научно-популярных работ, что построение огромного Российского государства было вдохновлено верой москвитов в наследование римской имперской и эсхатологической миссии.

К 1900 году концепция Третьего Рима была неразрывно связана в умах образованной русской публики с Московским периодом русской истории. Тем не менее, немногие усматривали возможность влияния этого исторического наследия на современные судьбы России. Исключением из правила были сторонники панславизма в 1870–1880-е годы. Для обоснования своих призывов к защите «славянских братьев» и даже к завоеванию Константинополя панслависты использовали идею Третьего Рима. Доктрина Филофея становится все более влиятельной в царствование Александра III. Во время коронационного банкета новый император восхвалялся как защитник славян, продолжатель дел Константина и правитель Третьего Рима. Идея оказала определяющее влияние на формирование взглядов наследников идей панславизма и славянофильства — идеалистических философов конца XIX — начала XX века. Богословский писатель Владимир Соловьев широко использовал данную доктрину в своих трудах, объясняя с ее помощью концепцию христианского универсализма. Он обратил внимание на то, что для старца Филофея не существует имперского Рима, но только Папский, при котором Римская государственность сохраняет своё существование: «Ромейское царство неразруσιμο». Центральным его аргументом была идея об особом предназначении России в деле сближения Востока и Запада и создания мирового органического единства. Доктрина Третьего Рима как нельзя более подходила к этой системе историко-философских взглядов: она утверждала исторические корни особой русской миссии и являлась метафорой «русской идеи». Согласно Соловьеву, Россия была не только третьей в числе наследников античного Рима, но также олицетворяла собой «третий принцип», в силу бескорыстия которого возможно объединение Востока и Запада. В 1914 году вышла книга Ивана Кириллова, в которой впервые описывалась история развития концепции Третьего Рима [7]. По мнению Кириллова, эта доктрина стала свидетельством пробуждения самосознания русской нации: до Филофея Россия не имела цели, он предоставил Московскому государству и русскому народу видение собственного предназначения; раскольники, представляя собой интуитивно-народное понимание «русской идеи», боролись с чужеземными искажениями доктрины; в петровское время интеллигенция была отделена от народа, и доктрина Третьего Рима была предана забвению в образованной среде до сороковых годов XIX века, а затем была возрождена славянофилами, которые были первыми представителями образованного русского общества, понявшими «русскую идею». Кирилловская публикация завершила трансформацию доктрины Третьего Рима от смутного пророчества, высказанного псковским монахом, к «косевому моменту» в русской истории.

Возрождение русского национализма в сталинские годы оказало известное влияние на понимание доктрины Третьего Рима в Советском Союзе. В серии документов 1930-х годов партийное руководство осудило Михаила Покровского за чрезмерное пренебрежение имперским прошлым. Советские историки были вынуждены признать прогрессивную роль Московского царства в собирании русских земель и инородцев под эгидой того, чему суждено будет стать первым в мире социалистическим государством. В фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» царь завершал свою пронзительную речь об объединении земель русских высокопарной цитатой из Филофея: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». О значении доктрины для истории страны писал и историк Николай Чаев в статье «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века». Однако советское научное руководство быстро постановило, что данное понимание этой доктрины было ошибочным: доказывалось, что доктрина имела хождение только в среде духовенства и не влияла на внешнюю и внутреннюю политику государства. Следует отметить, что теория «Москва — третий Рим» была подготовлена предшествующим развитием политической мысли на Руси, ростом национального самосознания в годы воссоединения русских земель, окончательного освобождения от татаро-монгольского ига и утверждения независимости Русского государства. Она сыграла значительную роль в оформлении официальной идеологии Русского централизованного государства и в борьбе против попыток Ватикана распространить своё влияние на русские земли; в 16—17 вв. в славянских странах Балканского полуострова теория «Москва — третий Рим» служила обоснованием идеи славянского единства и имела большое значение в борьбе южного славянства с турецким гнётом.

Другой значимой национальной идеей должна была стать идея о незыблемости трех основ России - «православия, самодержавия, народности». Министром народного просвещения графом С. С. Уваровым была сформулирована теория «официальной народности», которая в русле идей консерватизма обосновывала незыблемость самодержавия и крепостного права. Основные принципы были изложены Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения в его докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1833 года). Теория «официальной народности» была разработана в связи с усилением общественного движения в России с целью укрепить существующий строй в новых общественно-политических условиях.

Особое звучание для России эта теория имела в связи с тем, что в Западной Европе во многих странах в первой половине XIX в. было покончено с абсолютизмом. Обращение к вопросу о теории «официальной народности» объясняется не только интересом к изучению этой доктрины в историко-хронологическом контексте развития отечественной политической мысли XIX века, но прежде всего научно-практической значимостью самой проблематики, которую в рамках заявленной темы можно рассматривать в виде трех взаимосвязанных компонентов. Во-первых, сформулированная графом С. С. Уваровым в конце 30-х годов XIX века формула «православие, самодержавие, народность» стала основным источником в пропаганде принципов имперской государственной политики и широко использовалась в политической культуре русского общества вплоть до Февральской революции 1917 года. Во-вторых, теория «официальной народности» представляет собой сконцентрированное выражение, своеобразную квинтэссенцию базовых установок консервативного охранительства, сформировавшегося как поиск ответа на вызов западной политической культуры. В рамках национальной самоидентификации эта доктрина стала для одних магической «формулой русской культуры», а для других – «эмблематическим изображением национального застоя, культурной реакции и исторического прозябания на задворках мировой цивилизации», и даже своеобразной эпидемией вроде чумы, заразившей русскую культурную элиту имперской болезнью. В-третьих, непреходящую значимость консервативной традиции в отечественной политической культуре необходимо рассматривать в контексте формирования новой модели национально-государственной идеологии [8].

Исходя из принципиального отличия исторического пути России от Европы, Уваров задался целью совместить идею необходимости самодержавия как издревле присущей России формы политической власти с развитием просвещения и культуры. Если в Западной Европе просвещение породило революционные бури, то в России «порядок вещей устоял под натиском этих понятий, потому что опирался на неведомые Европе самобытные начала: православие, самодержавие и народность». В теории Уварова переплетались просветительские идеи с идеями единения, добровольного союза государя и народа, отсутствия противоположных классов, своего рода «народности» русского общества, и признанием самодержавия как единственно возможной формы правления в России. Православие понималось как присущая русскому народу глубокая религиозность. Вековой опыт русского государства давал Уварову основания утверждать, что самодержавие выступало как единственно возможная форма существования восточного христианства, которое в свою очередь представало как его внутреннее нравственно-религиозное оправдание. Уваров говорил, что под этим углом зрения надо воспитывать молодежь и внедрять в сознание студенчества и передовой молодежи мысль о том, что «православие, самодержавие и народность» являются «охранительными началами», без которых Россия якобы не может существовать. Одним из краеугольных камней теории официальной народности было утверждение о самобытности России, о том, что народ не отделяет царя от государства, о невозможности в России революции. Теорию Уварова активно критиковали. Среди первых критиков оказался современник Уварова П.Я. Чаадаев. По мнению Чаадаева слепое подражание, рабство, духовный и политический деспотизм являлись отличительными чертами России. Основными виновниками бедственного положения России Чаадаев считал самодержавие и православие, т. е. как раз те самые устои, на которых базировалась теория официальной народности [9, С. 103.]. Историк А. А. Корнилов охарактеризовал Уварова как консерватора, отметив, что уровень образования при нем снизился [10, С. 176]. В целом, не одобряет политику Уварова и П. Н. Милюков [11].

В советский период российская идентичность была поглощена макроидентичностью нового интернационалистского типа – советской. В СССР каждый считал себя в первую очередь советским человеком и во вторую – русским, татарин, якутом и т.д. При Брежневле новшеством стало выдвижение концепции советского народа как новой исторической общности. Однако, по мнению В. Тишкова, определение идеологами брежневских времен советского народа как «новой исторической общности» оказалось сомнительным, а точнее излишне идеологизированным и научно несостоятельным. «Советский народ имел свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал, общепережитые драмы и достижения, но именовать его типологически невиданной в истории «интернациональной общностью» - это уже была псевдоакадемическая глупость», - подчеркивал он [12, С. 578].

После распада СССР российская идентичность (мы-россияне) оказалась исключительно слабой. При Ельцине начались поиски новой национальной идеи. Специальная рубрика была открыта даже в правительственной «Российской газете». Идеи демократии и рынка, поднятые на щит в качестве главных лозунгов «переходного периода», никак не тянули на национальную идею. По словам В. Никонова, по большому счету России в какой-то момент предложили просто стать Западом, но она этого «почему-то не очень захотела» [13, С. 821]. Тот факт, что Россия не относится к Западной цивилизации, ни в коей мере не делает ее в чем-то ущербной. Россия не является ни западной частью Востока, ни восточной частью Запада. Это стержневое государство самостоятельной цивилизации, к которой европейская цивилизация наиболее близка.

III. ОБСУЖДЕНИЕ

На каждом бифуркационном этапе исторического развития в России вновь актуализируются вопросы сосуществования как различных культур, языков, традиций внутри страны, так и вопросы, связанные с выбором ориентации на Запад или Восток. Не случайно интеллектуальная история страны пронизана спорами между «западниками» и «славянофилами», сторонниками евразийства и их оппонентами, «модернизаторами» и «традиционалистами». С этими дискуссиями связаны представления об успехах России как национально-государственной общности с четко выстроенной системой интересов. Более того, эти споры выходят далеко за пределы теоретической рефлексии и обусловлены необходимостью решения конкретных задач национально-государственного устройства. За всеми концептами и дискурсами о национальной идентичности скрываются вполне определенные и жизненно важные для народов вопросы. Многие отечественные (дореволюционные) интеллектуалы писали об особом пути России ее самости, но лишь единицам удалось сформулировать ключевые вопросы, вокруг которых разворачивались основные дискуссии.

По словам Д.Т. Когатько и В.Х. Тхаканова, отечественная традиция исследования российской идентичности – это рефлексия российских интеллектуалов по следующим ключевым вопросам:

- поиск культурного и цивилизационного самоопределения России и ее народа;
- выявление главного вектора ее ориентации в дихотомии «Запад-Восток»;
- определение элементов её коллективной и индивидуальной сопринадлежности;
- раскрытие этнической и политической составляющей российской идентичности;
- выяснение взаимосвязи между российской самобытностью и ее культурно-цивилизационным отставанием от европейской культуры и цивилизации;
- обоснование особого российского пути развития;
- отказ от российской самости в обмен на приобщение к универсальной – европейской – цивилизации [14, С. 25].

Российский исторический код, как и сумма внешних воздействий на него, отличался и от западного, и тем более от восточного. Автор первой российской истории, которую прочитал тогда - в начале XIX века – каждый грамотный русский, Николай Карамзин был убежден в уникальности отечественной традиции и весьма точно указывал на источники внешнего влияния: «Во глубине Севера, возвысив главу свою между Азиатскими и Европейскими Царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних Восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашу долговременную связь с Моголами; Византийских, заимствованных Россиянами вместе с Христианскою верою, и некоторых Германских, сообщенных им Варягами... Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и Россияне любили оную как свою народную собственность» [15, С. 284]. Один из самых ярких славянофилов Алексей Хомяков так образно прослеживал исторические корни России и Западной Европы: «Было трое сильных владык в первых веках христианского мира: Греция, Рим и Север (мир тевтонский). От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь: от насильственного соединения Рима с Севером родились западные царства. Греция и Рим отжили. Русь – одна наследница Греции; у Рима много наследников» [16, С. 452].

Один из основателей евразийского движения Н.С. Трубецкой писал, что при всей полиэтничности и поликультурности перед народами Евразии стоит задача осознания совпадения своих коренных интересов и принадлежности к общности более широкого порядка: «Национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т.е. евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации» [17, С. 424.]. В итоге своих размышлений евразийцы вполне обоснованно приходят к пониманию России-Евразии как единого пространственного общего дома для всех населяющих ее народов.

Россия, как утверждал известный русский мыслитель И. А. Ильин, - не случайное нагромождение территорий и племен, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием, этот организм есть духовное, языковое и культурное единство. Оно есть государственное и стратегическое единство, оно есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение этого союза, предостерегал И.А. Ильин, будет иметь гибельные последствия и для России, и для человечества [18].

Отличие России от многонациональных, поликультурных государств Востока и Запада можно выразить и в их степени «ризоматичности». Российская цивилизация, как и российская культура, по мнению академика РАН И.В. Кондакова, представляет собой «ризому» (Rhizome – «корневище»), разноосновное образование с различными, в том числе и взаимоисключающими, цивилизационными и культурными тяготениями. «Речь идет о таком множестве различных явлений, которые не подчиняются никакому единству, характеризуясь гетерогенностью, равноправием, взаимной разорванностью и взаимосвязью, самопроизвольной изменчивостью и автономией. Разорванность ризомы при этом признается «незначашей»; ее гетерогенность, объясняя разрывы, не исключает взаимосвязи равноправных частей; взаимосвязь не отвергает автономии и равноправия, а изменчивость не ведет к единству, но усиливает разрывы и автономию элементов целого». Так, например, по сравнению с Россией, Западная Европа выглядит скорее не «ризомой», а вполне унифицированной системой, построенной на достаточно четких и определенных единых основаниях – политических и правовых, экономических и культурных, экологических и психологических. Она не столько аморфна и «мозаична», сколько структурна и организована. Страны и общества Востока также трудно назвать разноосновными цивилизационными и культурными образованиями. Пограничность России между Востоком и Западом обуславливает ее специфическую «ризомность», несводимую ни к какому единому знаменателю – ни европейскому, ни азиатскому.

Российское государство, имеющее большой исторический опыт плюрализма идентичности (многонациональность, поликонфессиональность, культурное разнообразие), характеризуемое «евразийским месторазвитием», и потому рассматриваемое в рамках цивилизационной дихотомии (Европа-Азия, Запад-Восток), предстает как территория проживания разных народов, место, где происходит «столкновение цивилизаций», которое может превратиться в зону, как их конфликта, так и сотрудничества. Эта противоречивость и задает тон критике, считающей подобный плюрализм следствием отсутствия собственной идентичности, и многочисленным дискуссиям о содержании и перспективах национальной идентичности и исторического развития российского государства [19, С. 7-8.].

Следует отметить и то, что духовное единство народа и объединяющие проверенные историей моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Как отметил президент РФ В. В. Путин: «Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений» [20].

Продолжение споров о перспективах собственной национальной идентичности России в условиях тенденций к глобальной унификации свидетельствует об осознании опасности копирования западного опыта, подгонки под него существенно иной российской мозаичной действительности [21]. Сегодня Россия не может измерять свое историческое движение только с западным типом развития, ей необходимо учитывать новые сложившиеся реалии современной цивилизации, где гигантские противоречия и разломы сочетаются с тенденциями к универсальности и интеграции.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ

Исторически в России сформировались три основные национальные идеи, составившие ядро российской национальной идентичности: «Москва – третий Рим», «самодержавие – православие – народность», коммунизм. Все три названные идеи в свое время работали, действительно сплачивая нацию и подвигая людей на самопожертвование.

Идея «Москва – третий Рим» оказалась весьма практичной и помогла в создании крупнейшего в мире христианского государства. Эта идея обосновывала всемирно-историческое значение столицы Русского государства Москвы как политического и церковного центра. Теория «Москва — третий Рим», изложенная в характерной для средневекового мышления религиозной форме, утверждала, что исторической преемницей Римской и Византийской империй, павших, по мнению создателей этой теории, из-за уклонения от «истинной веры», является Московская Русь — «третий Рим» («Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бысти»). Идея о том, что Россия пребудет истинным центром христианства до скончания веков, объединила в себе черты распространенной во всех христианских странах теории «длящегося Рима» с новым аспектом известной в древнерусской литературе идеи богоизбранности Руси.

Хотя многие специалисты считают, что доктрина никогда не обладала существенным влиянием в древнерусский период, и сейчас все еще можно встретить утверждения о статусе доктрины Филофея как официальной идеологии Московского царства. Особенно часто подобные утверждения встречаются в учебниках истории. Многие русские мыслители ищут в идеях Филофея основание для развития постсоветской «русской идеи». Просоветские и русские националистические группы восприняли концепцию Третьего Рима как знак русского возрождения. На Западе доктрина приводится как исторический контекст «русского мессианизма» и «экспансионизма» в газетных публикациях, книжных обзорах и передовицах. Даже западные политические лидеры находят порой корни современной российской политики в идеях Филофея.

Со второй половины XIX века многие ученые, философы и публицисты открывали для себя в письменном наследии Филофея «корни» того, что они считали основными характеристиками «русской идеи». Владимир Ламанский обнаружил там истоки панславизма, Владимир Соловьев нашел корни христианского универсализма, Николай Бердяев открыл происхождение большевизма, а идеологи холодной войны — основания советского «экспансионизма». Но анализ ранней истории доктрины позволяет заключить, что Филофей не мог помыслить ни одной из этих поздних толкований созданного им образа «третьего Рима», которые являются результатом проецирования современной идеи, а именно идеи «русской миссии», на внешне схожую концепцию раннего Нового времени.

Что касается теории «официальной народности», то она, на наш взгляд, доказала свою жизненность и актуальность [22]. Идея «православие-самодержавие народность» находилась в религиозно-этнополитическом измерении. Из чего-то смутного и непосредственного православие, которое подчас известно лишь через обрядовую сторону, постепенно превратится в массовом сознании в ясную и четко оформленную, обоснованную тысячелетней историей и глубочайшей философией национальную идею, - считает А. Дугин [23, С. 286.].

Русская православная церковь во все времена выступала фактором государственного единства, играла огромную роль в сохранении национальной идентичности, выступала культурным стержнем, идейным столпом сопротивления агрессорам [24 - 27].

Третья идея, первоначально возникшая как интернациональная, но затем ставшая весьма национальной, - коммунизм. Она располагалась в цивилизационно-политической плоскости и во многом напоминала концепцию «Третьего Рима». Провозглашалось, что наша страна на целую общественно-экономическую формацию впереди всей планеты и прокладывает путь всему человечеству. К советскому периоду отношение зачастую неоднозначное, но именно к нему, по всем опросам, относятся основные атрибуты гордости россиян: победа во Второй мировой войне [28], первый человек в космосе, многие культурные достижения.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время Россия столкнулась с вызовами, аналогичными тем, что были в середине XIX века и теория «официальной народности» в какой-то мере переживает второе рождение. Растет влияние РПЦ, которая стремится выполнять не только духовные, но и светские, функции, претендуя на участие в формировании государственной идеологии. По данным ВЦИОМ 2020 года 56,7 % россиян одобряют деятельность РПЦ [29]. Вместе с тем, 65 % жителей России считают, что священники должны быть вне политики. Все больше говорится об особом пути России, ее исключительности по отношению к Европе. Формируется негативный образ западных стран. Опросы, проведенные весной 2014 г. показали, что 35 % россиян убеждены в недоброжелательности европейских государств, половина наших сограждан характеризуют отношения между Россией и ведущими европейскими странами как плохие, 37 % россиян считают, что европейцы не стремятся к сближению с нашей страной. Отношения между Россией США плохими считают 48 % россиян [30]. Существуют и иные проблемы. Все вышеперечисленное показывает, что наше государство, как и 200 лет назад проводящее консервативную политику, использует опыт предшественников и крайне важным является взять все позитивное, избежав повторения ошибок.

«Мне представляется, что новая российская идея родится как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем, - считает В.В. Путин [31]. Именно этот патриотически-демократический симбиоз имеет наилучшие шансы войти в резонанс с общественными ожиданиями.

Россия в силу своего географического расположения, территориальной масштабности граничит с крупнейшими цивилизациями (западной, исламской, конфуцианско-буддийской) и, как следствие, испытывает их значительное влияние, что в свою очередь, оказывает воздействие на идентичность населения, находящегося в зоне их соприкосновения, в условиях цивилизационного объединения.

Разнообразие микроидентичностей российского общества порождает проблему взаимодействия «ядра- периферии» цивилизации, основанного на различии региональных особенностей российской ментальности. Одна из главных особенностей России заключается в разнообразии и множественности ее культур, что в значительной степени является причиной постоянного и интенсивного культурного взаимодействия. Все это необходимо учитывать при проведении эффективной национальной и региональной политики, решении вопросов национального обустройства российского государства. В данном контексте наиболее перспективной и конструктивной в решении задачи строительства российского государства представляется идея формирования полинациональной, поликультурной общности на основе двойной и не взаимоисключающей идентичности (культурно-этнической и государственно-гражданской).

Без осознания своей идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на вызовы современного мира, не сможет осуществлять полноценную и эффективную модернизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Чекменёва Т.Г., Прибытков А.А. Россия в глобализирующемся мире: поиск национальной идентичности // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 5-1. С. 105-108.

Чекменёва Т.Г., Прибытков А.А. Кризис национальной идентичности в постсоветской России в условиях глобализации // В сборнике: Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. Иваново: ФГБОУ ВПО «ИвГУ»; 2015. С. 705-712.

Прибытков, А.А., Чекменёва Т.Г. Символические основания гражданско-государственной идентичности в современной России: преемственность и/или обновление? // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-3 (113). С. 179-182.

Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3 – 16.

Филофей Послание на звездочетцев [Электронный ресурс]. – URL: http://bibliopskov.ru/html2/d_body3.html

Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев: Университетские известия, 1869. 586 с.

Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианства. М.: Т-во Типо-Литогр. И. М. Машистова, 1914. - 100 с.

Прибытков А.А., Чекменева Т.Г. Теория «официальной народности»: прошлое и настоящее // В сборнике: Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. Иваново: ФГБОУ ВПО «ИвГУ. 2015. С. 618 - 621.

Черепанова Р. С. Петр Чаадаев мифический и реальный // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 102 – 109.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М.: Высшая школа, 1993. 448 с.

Милуков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М.: Русская мысль, 1898. Т. 1. 396 с.

Тишков В. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М.: Издательство: Федеральное государственное унитарное предприятие "Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2007. С. 558 – 601.

Никонов В.А. Российская матрица М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. 992 с.

Когатко Д.Т, Тхаканов В.Х. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.

Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 488 с.

Хомяков А. Сочинения. Т.1. Работа по историософии. М.: Московский философский фонд. Изд-во «Медиум», 1994. 591 с.

Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 799 с.

Ильин И.А. Россия есть живой организм // Наши задачи. Т.1. Париж: Издание Общерусского воинского союза, 1956. 346 с.

Кондаков И.В. «По ту сторону» Европы // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 3 – 16.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 26 апреля 2007 года // [Электронный ресурс] – URL <http://kremlin.ru/acts/bank/25522>

Бадмаев В.Н. Национальная идентичность России: исторический дискурс и современные вызовы // Новые технологии. 2008. Выпуск 5. С. 129 -136.

Прибытков А.А., Чекменева Т.Г. Теория «официальной народности»: история и современность // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 4 (4). С. 217-221.

Дугин А. Г. Логос и мифос. М.: Академический проект, 2010. 364 с.

Ershov V.A., Perepelitsyn A., Glazkov E., Volkov I., Volkov S. Church and State in Russia: management issues // В сборнике: 5th INTERNATIONAL CONFERENCE ON ADVANCES IN EDUCATION AND SOCIAL SCIENCES. Abstracts & Proceedings, e-publication. 2019. С. 26 - 29.

Ершов Б.А., Фурсов В.Н. Русская православная церковь в революционных событиях 1917 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 80 - 82.

Perevozchikova L.S., Ershov V.A., Volkova E.A., Frolova E.V. Russian Orthodox Church in views of F.M. Dostoevsky in XIX century // В сборнике: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2017. С. 319 - 323.

Ершов Б.А., Крылов Н.В., Степаненко И.С. Взаимодействия русской православной церкви и гражданского общества в современной России// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1. С. 30-31.

Чекменева Т.Г., Прибытков А.А., Обертяева И.А., Мухина Н.Е. Итоги и результаты участия СССР во Второй мировой войне // Глобальный научный потенциал. 2020. № 3 (108). С. 27 - 30.

ВЦИОМ [Электронный ресурс] – URL: <http://www.wciom.ru>

ФОМ [Электронный ресурс] – URL <http://www.fom.ru>

Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

HISTORICAL ASPECT OF THE FORMATION OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Chekmenyova, Tatiana Gennadievna¹, Pribytkov, Alexey Alexandrovich²

¹Candidate of Political Science, Associate Professor, Voronezh State Technical University, st. 20 years of October, 84, Voronezh, Russia, E-mail: politehist@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Voronezh State Technical University, st. 20th Anniversary of October, 84, Voronezh, Russia, E-mail: modus16@rambler.ru

Abstract

The article examines the historical stages of the formation of national identity in Russia, which are formed as a result of information impact and cultural actualization and generate various identification matrices for individuals who make up such communities as a nation and civilization. Domestic social thought is distinguished by an unusually strong cultural and historical dominant, which is characterized by the need for self-identification, comprehending the place of Russia in world history, revealing and deep understanding of its individual essence and originality.

In this context, it seems relevant to turn to the Russian discourse of national identity, to the philosophical traditions of understanding the "national idea" of Russia. This appeal is of significant importance from the point of view of studying the process of self-identification in the Russian public consciousness, since acute social crises play a special role in the self-identification of society. Accompanied by a change in the existing system of traditions and values, they, at the same time, highlight the hidden potential of culture, make it necessary to revise the traditional established ideas about their nation and its place among other nations.

Keywords: Russian national identity, Moscow - the third Rome, Orthodoxy, Autocracy, Narodnost, communism.

REFERENCE LIST

Chekmenyova T.G., Pribytkov A.A. (2014) Russia in a globalizing world: the search for national identity. *Bulletin of the Voronezh State Technical University. T. 10. № 5-1.* Pp. 105-108. (in Russ.)

Chekmenyova T.G., Pribytkov A.A. (2015) The crisis of national identity in post-Soviet Russia in the context of globalization. *In the collection: State, society, church in the history of Russia of the XX-XXI centuries, materials of the XIV International scientific conference: at 2 pm Ivanovo: FSBEI HPE "IvGU".* Pp. 705-712. (in Russ.)

Pribytkov, A.A., Chekmenyova T.G. (2015) Symbolic foundations of civil-state identity in modern Russia: continuity and / or renewal? *Kazan pedagogical journal. № 6-3 (113).* Pp. 179 - 182. (in Russ.).

Gadzhiev K.S. (2011) National identity: conceptual aspect. *Problems of Philosophy. № 10.* Pp. 3 - 16. (in Russ.)

Philotheus Message to the stargazers [Electronic resource]. - URL: http://bibliopskov.ru/html2/d_body3.html (in Russ.)

- Ikkonnikov V. S. (1869) Experience of research on the cultural significance of Byzantium in Russian history. *Kiev: University news*. 586 p. (in Russ.)
- Kirillov I. (1914) Third Rome. Essay on the historical development of the idea of Russian messianism. M. *T-in Tipo-Litogr. I. M. Mashistova*. 100 p. (in Russ.)
- Pribytkov A.A., Chekmenyova T.G. (2015) The theory of "official nationality": past and present. *In the collection: State, society, church in the history of Russia XX-XXI centuries materials of the XIV International scientific conference: at 2 pm Ivanovo: FSBEI HPE "IvGU*. Pp. 618 - 621. (in Russ.)
- Tishkov V. (2007) The Russian nation and its critics // Nationalism in world history. M.: Publishing house: *Federal State Unitary Enterprise "Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center" Science*. Pp. 558 - 601. (in Russ.)
- Nikonov V.A. (2014) Russian matrix. M. *OOO "Russian word - textbook"*. 992 p. (in Russ.)
- Kogatko D.T., Tkhananov V.Kh. (2010) Russian identity: cultural and civilizational specificity and transformation processes. *SPb. Aleteya*. 136 p. (in Russ.)
- Karamzin N.M. (2010) Selected Works. *Moscow: ROSSPEN*. 488 p. (in Russ.)
- Khomyakov A. (1994) Works. Vol. 1. Work on historiography. M.: *Moscow Philosophical Fund. Publishing house "Medium"*. 591 p. (in Russ.)
- Trubetskoy N.S. (1995) Pan-Eurasian nationalism. *History. Culture. Tongue*. M.: *Progress*. 799 p. (in Russ.)
- Ilyin I.A. (1956) Russia is a living organism. *Our tasks*. Vol. 1. *Paris: Publication of the All-Russian Military Union*. 346 p. (in Russ.)
- Kondakov I.V. (2002) "Beyond" Europe. *Questions of Philosophy*. № 6. Pp. 3 - 16. (in Russ.)
- Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. April 26 (2007). *[Electronic resource] - URL <http://kremlin.ru/acts/bank/25522>* (in Russ.)
- Badmaev V.N. (2008) National identity of Russia: historical discourse and modern challenges. *New technologies*. Issue 5. Pp. 129-136. (in Russ.)
- Pribytkov A.A., Chekmenyova T.G. (2014) The theory of "official nationality": history and modernity. *Modern problems of the humanities and social sciences*. № 4 (4). Pp. 217 - 221. (in Russ.)
- Dugin A. G. (2010) Logos and Mythos. *Moscow: Academic project*. 364 p. (in Russ.)
- Ershov B.A., Perepelitsyn A., Glazkov E., Volkov I., Volkov S. (2019) Church and State in Russia: management issues. *In the collection: 5th INTERNATIONAL CONFERENCE ON ADVANCES IN EDUCATION AND SOCIAL SCIENCES. Abstracts & Proceedings, e-publication*. Pp. 26 - 29. (in Engl.)
- Ershov B.A., Fursov V.N. (2018) The Russian Orthodox Church in the revolutionary events of 1917. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. № 1. Pp. 80 - 82. (in Russ.)
- Perevozchikova L.S., Ershov B.A., Volkova E.A., Frolova E.V. (2017) Russian Orthodox Church in views of F.M. Dostoevsky in XIX century. *In the collection: The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*. Pp. 319 - 323.
- Ershov B.A., Krylov N.V., Stepanenko I.S. (2017) Interaction of the Russian Orthodox Church and civil society in modern Russia. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. № 1. Pp. 30-31. (in Russ.)
- Chekmenyova T.G., Pribytkov A.A., Obertyaeva I.A., Mukhina N.E. (2020) Results and results of the USSR's participation in World War II. *Global scientific potential*. № 3 (108). Pp. 27 - 30. (in Russ.)
- Putin V.V. (1999) Russia at the turn of the millennium. *Nezavisimaya gazeta*. 30 December. (in Russ.)